

**ЗАБЫТЫЕ ТЕКСТЫ
ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА**

ВЫПУСК II

ЛИТЕРАТОРЫ — АДРЕСАТЫ ПУШКИНСКИХ ЭПИГРАММ

**Забытые тексты, забытые
имена. Выпуск 2. Литераторы –
адресаты пушкинских эпиграмм**

«Знакъ»

2017

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Забытые тексты, забытые имена. Выпуск 2. Литераторы – адресаты пушкинских эпиграмм / «Знакъ», 2017

ISBN 978-5-91638-124-5

Поэзия и проза этих литераторов практически забыта, равно как и они сами. Кто-то из них вполне честно заслужил забвение, а с кем-то судьба обошлась жестоко и несправедливо. Однако их имена, скорее всего, останутся в истории русской литературы навечно. По крайней мере, в эпиграммах Пушкина им обеспечена долгая и интересная жизнь.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-91638-124-5

, 2017

© Знакъ, 2017

Содержание

«...Сатирой безымянной лик зоила я пятнал...»	6
Шишков, Шихматов, Шаховской...	9
А. Шишков	19
С. Шихматов	20
А. Шаховской	21
Александр Скарлатович Стурдза	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Забытые тексты, забытые имена. Выпуск 2. Литераторы – адресаты пушкинских эпиграмм

© Меркушев В. В., составление, статьи, 2017

© «Знакъ», макет, 2017

* * *

«...Сатирой безымянной лик зоила я пятнал...»

«Согласен, что жизнь моя сбивается на эпиграмму, но вообще она была элегией...» – писал Александр Сергеевич Пушкин в одном из своих писем. Пожалуй, эпиграмма в творчестве поэта имела не меньшее значение, нежели элегия, иначе он не упомянул бы их в одном ряду, что само по себе уже говорит о многом. Хорошо известно, что поэта окружали не только друзья, но и ненавидящие его. Врагов, противников, злопыхателей, а более всего просто недоброжелательно настроенных вокруг Пушкина собиралось немало. Объяснить неприязнь к поэту одним только его непростым характером здесь вряд ли возможно, необходимо также иметь в виду и множество иных обстоятельств, связанных более всего с общественным положением Пушкина, нежели с особенностями его поведения и упрямой привычкой ничего не прощать.

А. С. Пушкин. Эта гравюра Н. И. Уткина, выполненная в 1827 году, предваряла первое посмертное собрание сочинений А. С. Пушкина. Ранее она была использована для фронтисписа альманаха Дельвига «Северные цветы»

Не будем глубоко вникать в личностные проблемы великого поэта, ведь всё-таки говоря о нём, мы в первую очередь думаем о Пушкине-поэте, Пушкине-литераторе, о Пушкине – создателе современного русского языка. Для него любой из существующих литературных жанров не был чужим. Он чувствовал себя одинаково свободно как при написании повестей и поэм, так и при создании небольших по объёму поэтических миниатюр. При этом сами литературные формы и подходы к ним с начала девятнадцатого века претерпевали значительные изменения, и во многом такое происходило благодаря Пушкину.

В восемнадцатом веке стараниями Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова эпиграмма становится заметным литературным жанром, но подлинного расцвета она достигает всё-таки при Пушкине, приобретая все признаки популярного явления, можно даже сказать, явления модного. Этому способствует не только искромётный талант и живой ум Александра Сергеевича, но и развитие альбомной культуры в дворянской среде, ставшей в первой трети девятнадцатого века аналогом современного самиздата. Нельзя также отрицать благотворного воздействия той образованной среды, в которой поэт был восторженно принят, которой был востребован и понят как живой классик отечественной литературы. Но не следует забывать слов Александра Блока о причинах гибели Пушкина, утверждавшего, что поэт «задохнулся от недостатка воздуха». Ведь рядом с Пушкиным были не только друзья: Жуковский, Вяземский, Карамзин или Нащокин, поэта во множестве своём окружали чуждые ему люди, такие как Уваров, Стурдза, Ланов, Каченовский... В итоге Пушкин оказался обязанным им своею гибелью, а они ему – посмертной славой как герои его эпиграмм. Если б не Пушкин, то кто бы о них ещё когда-нибудь вспомнил!

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

Несмотря на то, что Пушкин определил элегию как основной мотив своего творчества, он оставил нам огромное наследие из метких, остроумных эпиграмм и любопытных сатирических стихотворений. В них Пушкин обличал не только отдельных персонажей той, уже далёкой от нас, эпохи, но и красочно свидетельствовал о ней, выказывая присущие времени социальные пороки и бытующую тогда ханжескую мораль. Нам хорошо известна исключительная отзывчивость Александра Сергеевича на любое обращённое к нему доброе слово, об этом много написано и исследователями его творчества, и современниками. Но хорошо известно и иное. Современники неоднократно указывали на его злую память, всегда готовую «мечом сатиры» отомстить обидчику. Его «невероятная чувствительность» и нежелание оставлять без ответа всякий выпад по отношению к себе, способствовали созданию ярких вербальных карикатур, которые до сих пор сохраняют в себе убедительность и жизненную силу. Косность, глупость, невежество, спесь и самолюбование необычайно раздражали великого поэта. Вот что записал в своём дневнике один из его современников, князь Пётр Долгоруков: «Охота взяла Смирнова спорить с ним (с Пушкиным), и чем более он опровергал его, тем более Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец, полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники – подлецы и воры, генералы – скоты большею частью... На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли». Петра Долгорукова долгое время

считали автором порочащего поэта пасквиля, но приведённая дневниковая запись вряд ли содержит неправду: слишком легко поверить словам князя, хорошо зная стихи Пушкина и факты его биографии.

Нетерпимость к низменной сути своих не-симпатизантов и беспощадность пушкинской иронии сделали из эпиграммы не только мощное оружие против тех, кого не достигал меч закона, но и выводили эпигramму в ведущие жанры русской литературы.

Отметим, что же нового привнёс с собой Пушкин в этот жанр, если сравнивать его произведения с подобными опусами у предшественников: Хераскова, Капниста, Державина или упомянутых уже Тредиаковского и Ломоносова.

В первую очередь, это композиционная новизна его коротких сатирических текстов. Это и меткие неологизмы, ясно читаемые, эмоционально и психологически окрашенные. Это и шутливая каламбурность, строго подвёрстанная под современный поэту литературный и исторический контекст. Всегда бывает интересно, каким образом поэт решает проблему преодоления дистанции времени, исключения всего случайного, минутного, и каким художественным приёмом определяет, где начинается главное, закономерное, без чего не может состояться ни одна литературная форма. Пушкина выгодно отличает умение дать предельно краткую и выразительную характеристику своего героя, в двух-трёх словах отобразить пошлость, глупость или душевную пустоту персонажа, создавая при этом такой эмоциональный настрой, который неизбежно склоняет читателя к сопереживанию поэту. Подкупает и доверительная непосредственность пушкинского высказывания, рождая в воображении личные, субъективные ассоциации, окрашенные опытом собственных впечатлений. Его эпиграммы обладают способностью долгое время держаться в памяти, когда образы, проникая в сознание и дополняясь подробностями личного характера, обретают иллюзорность и оттеняются такими смыслами, которые делают из читателя заинтересованного соучастника происходящих с поэтом событий. Пушкину невозможно не сочувствовать, нельзя не признавать его художественной и нравственной правоты. На фоне комичности и нелепости пушкинских протагонистов, особенно выделяется интеллектуальное превосходство поэта и изощрённость его ума.

Недаром Император Николай Первый после встречи с Пушкиным заявлял, что он беседовал с самым умным человеком в России.

Нередко в эпиграмме Пушкин использует смысловой сдвиг, сочетание несочетаемого, создаёт трагикомическую сюжетную историю, в которую веришь тем более охотно, чем меньше она соотносится со здравым смыслом. Грубости и вульгаризмы также можно считать его излюбленным художественным приёмом: никогда не культивируя непристойности, они возникают в его тексте совершенно сознательно и к месту, не вызывая той реакции отторжения, которую создают такие выражения в обычной разговорной речи.

Свойства слов в пушкинских эпиграммах проявляются наиболее полно. Сочетаясь друг с другом в продуманные предложения, слова в них приобретают дополнительные значения. Ни в одном из его насмешливых текстов невозможно найти не только ни одного лишнего определения, обозначения действия или существительного, там нельзя обнаружить ни одного лишнего звука, ни одного необязательного знака препинания, настолько тщательно выверен ритмический и смысловой рисунок представленного текста. В этом смысле его эпиграмматическое творчество выступает в качестве своеобразной квинтэссенции поэзии. Ссылаясь на пушкинские сатирические шедевры, можно смело спорить с классификацией поэзии и прозы Буало, в которой великий француз отводит эпиграмме самое последнее место среди всех известных нам литературных жанров.

В.М.

Шишков, Шихматов, Шаховской...

Угрюмых тройка есть певцов –
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов –
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой? –
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Современником Пушкина, Некрасова и Фета был поэт и издатель Фёдор Богданович Миллер. Сейчас, пожалуй, никто не вспомнит эту фамилию, но любой процитирует бессмертную строчку из его нетленки: «Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять...»

А. С. Шишков. Гравюра И. Пожалостина с оригинала И. Боровиковского

Шихматову, Шаховскому и Шишкову повезло куда меньше. Можно смело утверждать, что никто не вспомнит ни слова из трудов перечисленных авторов. Если бы не Пушкин и его эпиграмма, то не видать бы тебе, читатель, даже этих немудрёных строк, напоминающих о Шишкове, Шихматове и Шаховском, никто бы так и не озадачился вопросом относительно злости, угрюмости или иных качеств упомянутой супостатной тройки. Не будь Александра Сергеевича, не нашлось бы места под солнцем и для литературных творений Ших-матова, Шишкова и Шаховского. Но благодаря Пушкину, «солнцу русской поэзии», такое место «под солнцем» для них нашлось, и притом далеко не самое неосвещённое.

Пожалуй, Пушкин имел больше причин думать о Шишкове, нежели Шишков о Пушкине, который относился к Александру Сергеевичу спокойно, признавая за последним лишь «особенную чистоту языка и всегдашнюю ясность». Конечно, имеется в виду не Александр Ардалионович, поэт-романтик, обожавший Пушкина и подражавший ему, а дядя Алек-

сандра Ардалионовича – тот самый су-постатный Шишков, что вместе с Державиным основал фундаментальный кружок «Беседа любителей русского слова». Пушкин внимательно следил за Александром Семёновичем, никогда не забывая отметить письменно или всуе деяния отставного бравого адмирала. Считается даже, что в восьмой главе «Онегина» за тремя звёздочками сокрыто имя Шишкова.

...Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (***, прости:
Не знаю, как перевести.)

Отчего ж придиричивое воображение поэта с таким неизменным постоянством будоражил наш Александр Семёнович Шишков?

А Александр Семёнович, и в самом деле, был человеком далеко не ординарным. Доблестный морской офицер и пламенный патриот, Шишков верно служил царю и Отечеству, служил бескорыстно, все свои силы отдавая этому служению. Какие бы должности он ни занимал, а судьбою ему были уготованы очень высокие государственные посты, везде Александр Семёнович держался с людьми просто, без заносчивости и самодовольства, заслуженно сыскав себе славу правдолюбца и нестяжателя.

Приведём для любознательного читателя хотя бы часть из его послужного списка, дабы почувствовать масштаб этой весьма незаурядной фигуры. Вот некоторые вехи его карьеры: флаг-офицер командующего флотом, эскадр-майор Его Величества, капитан-командор, контр-адмирал, вице-адмирал, директор Адмиралтейского департамента морского министерства, полный адмирал, руководитель Государственной канцелярии, Министр народного просвещения, Президент Российской Академии...

Да, Шишков переживал и периоды опалы, однако его отдаление от Двора не означало его отстранения от должностей, высшая власть уважала в Александре Семёновиче верного государственника, ценила его ревностное стремление послужить России в любом качестве и на любом посту.

Надо сказать, что Александр Шишков жил исключительно на своё жалование. Павел Первый, любивший Шишкова, подарил ему около трёхсот душ крепостных, для которых такая передача стала настоящим манифестом вольности, ибо Шишков, сам будучи стеснённым в средствах, не брал с них ни копейки. Спустя более десяти лет сами крестьяне приехали в Петербург просить своего барина назначить им хоть какой-нибудь оброк, чтобы не смущать крестьян-соседей и не гневить помещиков-крепостников, недовольных таким поведением Александра Семёновича.

Ярем он барщины старинной
Оброком лёгким заменил;
И раб судьбу благословил...

Это всё о нём, о супостате Шишкове...

Логично спросить, тогда в чём же, собственно, являл себя супостатом наш достойнейший Александр Семёнович, так любивший ягоды и фрукты, обожавший птиц и панически боявшийся лошадей...

А дело в том, что Александр Семёнович был ужасный ретроград. Причём ретроград активный, публично отстаивающий свою исключительную позицию. Большого антизападника и славянофила и представить себе было невозможно. Заметим, что слово «славянофил» было запущено в оборот во времена Шишкова, и все современные ему и последующие за

ним славянофилы почитали Александра Семёновича за одного из «отцов-основателей» почвеннического направления.

На ниве антизападничества Шишков трудился тяжело и много. Зимой он просыпался в семь утра, летом в шесть и сразу же включался в работу. Помимо своей государственной службы, а её он соблюдал исправно, литературным трудам он посвящал порядка восьми часов в день. Те, кто имел возможность видеть его рабочий кабинет, утверждали, что кипы исписанных им бумаг невозможно было бы вывести на одном возу – столь продуктивен и неутомим был их автор.

В этой бумажной вселенной одно из центральных и почётных мест занимала внушительная подборка малоизвестных и вышедших из употребления слов, которым Александр Семёнович придавал особенное значение, пытаясь вновь ввести их в речевой оборот, особенно там, где возникали заимствования из русифицированных галлицизмов.

Сергей Аксаков вспоминал, с каким воодушевлением и душевным волнением Шишков читал стихи с архаической лексикой или со словами из церковного обихода. «Какое великолепие! Какая красота! Какое знание языка славянского, то есть русского! Вот что значит, когда стихотворец начитался книг священного писания!» – мог воскликнуть Александр Семёнович.

В кругу молодёжи, к которой в то время относился Аксаков, общение с Шишковым на тему русского языка и назначения литературы считалось делом утомительным и даже невыносимым, выдержать которое было под силу немногим. Когда такое общение затягивалось или Александра Семёновича ожидали важные государственные дела, его жена Дарья Алексеевна бесцеремонно прекращала вдохновенного оратора: «Этому чтению и конца не будет. Фёдор! подавай одеваться Александру Семёнычу...»

Как-то раз с Александром Семёновичем на почве антизападничества приключилась совсем некрасивая история, подвигнувшая Пушкина к написанию стихотворения «Возрождение».

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит.
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой...

Принято считать, что это стихотворение написано по случаю реставрации картины Рафаэля и оттого есть определённые сомнения в его точной датировке. Однако Пушкин очень хорошо знал, что произошло с альбомом Тур-суковой, и был немало озадачен случившимся событием.

Рисовальный альбом Марии Ардалионовны Турсуковой содержал в себе множество рисунков и живописных листов. Среди авторов альбома помимо рисунков дилетантов, с обычным в то время высоким уровнем художественной образованности, встречались работы больших мастеров, таких как Кипренский, Кольман, Корнеев... Этот рисовальный альбом был известен по всей Европе и, безусловно, представлял собой большую художественную ценность. Только все фамилии художников были написаны там по-французски. Непатриотизм рисовальщиков сильно не понравился Александру Семёновичу. Он вымарал все фамилии, написанные на иностранный манер, и своим крупным, аляповатым почерком нацара-

пал надписи по-русски. По сути это был акт вандализма. Потребовались сверхусилия всех заинтересованных сторон, чтобы привести альбом в первоизданный вид. Его отправили в Париж, где все варварские надписи вывели тамошние химики. В альбоме остался нетронутым лишь лист со стихом Александра Семёновича, который он написал в оправдание своего поступка.

Впрочем, эпиграммы и сатирические стихи на Шишкова писали и другие литераторы, в этом отношении Пушкин был далеко не одинок. Была широко известна пародия стихотворения Жуковского «Певец в стане русских воинов», написанная Константином Батюшковым. Можно даже сказать больше: любой, кто остро высказывался по поводу Александра Семёновича Шишкова, имел в свете неперенный успех. Партия славянофилов в пушкинские времена пребывала в явном меньшинстве.

Думается, что Пушкин язвил по поводу Шишкова не только по причине «модного» противостояния с приверженцами архаики. Он, безусловно, причислял себя к сторонникам Карамзина, выступавшим за языковое и общественное обновление, и идея общественного разворота к «Домострою» была ему чужда и антипатична. Но в чём-то ему был симпатичен Александр Семёнович. Ведь он сделал на посту Государственного секретаря во время наполеоновского нашествия очень и очень много. Вся идеологическая кампания против врага держалась на нём, на Александре Семёновиче Шишкове. Скорее всего, за это и любил Пушкин Шишкова, как было написано в Высочайшем рескрипте на пожалованный Шишкову орден Александра Невского – «за примерную любовь к Отечеству». Недаром же Александр Сергеевич написал впоследствии о нём:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года.

Среди тех, кто поддерживал Шишкова и разделял его убеждения, был князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов. Будучи человеком совершенно самодостаточным, Александр Семёнович вряд ли нуждался в чьей-либо поддержке, но сказать с уверенностью то же самое о подверженном различным влияниям князе мы не можем. Впрочем, Шишков благоволил к нему, превознося литературные достоинства близкого по Музе стихотворца и полагая своим долгом знакомить с ними окружающую молодёжь. Надо ли говорить, что упомянутая молодёжь всеми силами и уловками пыталась избежать утомительного прослушивания Шихматовских вирш, однако Александр Семёнович был терпелив и упорен в своём намерении поделиться душевной радостью от поэзии Сергея Александровича. И упрямому адмиралу, в конце концов, крупно повезло: у него всё-таки нашёлся молодой слушатель, который мог выдержать нескончаемую декламацию тяжеловесных творений Сергея Шихматова. Все дружно сочувствовали молодому человеку, когда Александр Семёнович торжественно приглашал его в кабинет, но молодой человек ничем не изобличал своего недовольства перед заслуженным ветераном и покорно шёл на многочасовое прослушивание. Этим молодым человеком был будущий писатель и литературный критик Сергей Тимофеевич Аксаков.

Заметим, что не стоит считать такое поведение слабостью. И слушатели, и чтецы назовут тысячи разных причин, заставляющих одних читать, а других слушать. В литературном мире имеют место быть различные типажи, и слушатель чужих сочинений являет собой самый редкий и благородный подвид. Обычно это весьма уважаемый или подающий большие надежды литератор. Таким, к примеру, был Василий Андреевич Жуковский. Каждый ему хотел что-нибудь да почитать, и Жуковский стоически принимал необходимость прослушивания, точно подразумевал под этим составляющую своего литературного служения. Обычно он садился в кресло и, бывало, засыпал под вдохновенное чтение очередного ора-

тора. Гоголь даже как-то сжёг принесённую Жуковскому рукопись, когда убедился, что глава русской романтической школы не слушает его, а шумно, бесцеремонно спит. Зато Кюхельбекер не давал нашему романтику отойти в царство Морфея. Он теребил и поминутно вопрошал Жуковского, требовал замечания или похвалы.

Сказать, что Александр Семёнович Шишков вёл себя по отношению к Сергею Аксакову как пылкий Вильгельм, нельзя. Впрочем, у всякого Жуковского свой Кюхельбекер. По крайней мере, заснуть Сергею Тимофеевичу в присутствии Шишкова не удавалось.

Но как ни усердствовал Александр Семёнович в искусстве декламации, и как ни уважал Сергей Тимофеевич декламатора, но полюбить стихи Шихматова Аксаков так и не сумел.

Шихматов познакомился с Шишковым в Морском учёном комитете при Адмиралтействе, где Шишков долгое время был председателем. Служебная карьера обоих поэтов началась одинаково – с моря. Двенадцати лет Шихматов был определён в Морской кадетский корпус, который закончил в 1800 году. Спустя некоторое время он поступил туда же воспитателем и уже не менял места службы вплоть до своего ухода в монастырь, хотя ему неоднократно делались весьма лестные предложения. Воспитанникам Сергей Александрович запомнился как умный и справедливый наставник, ни разу не применивший телесных наказаний, допустимых в этом учебном заведении.

Литературная деятельность Шихматова началась с переводов, князь хорошо знал иностранные языки. Однако знание языков не мешало Сергею Александровичу в собственных литературных произведениях наполнять тексты устаревшими словами и архаической лексикой церковного обихода, да так, что понять сочинения князя представлялось непростым делом. Но именно эта особенность его творчества и радовала немногочисленных почитателей шихматовской музыки. Вскоре князь оказался среди самых почётных членов клуба «Беседа любителей русского слова».

«Кружок Карамзина» не мог не замечать такого образования как «Беседа любителей русского слова», избрав членов этого литературного объединения в качестве мишеней для своих эпиграмм. Мнительный и чуткий князь Шихматов такие нападки переживал очень болезненно. Но критика никак не сказывалась на произведениях Шихматова, наоборот, сочинения князя приобретали всё более и более религиозный характер, становясь, по сути, богословскими текстами.

Современники утверждали, что впечатлительный Шихматов попал под сильное влияние архимандрита Фотия, властного харизматика, воинствующего религиозного консерватора.

Вот что писал о Фотии Пушкин:

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господа, греховным
Поменьше пастырей таких, –
Полу-благих, полу-святых.

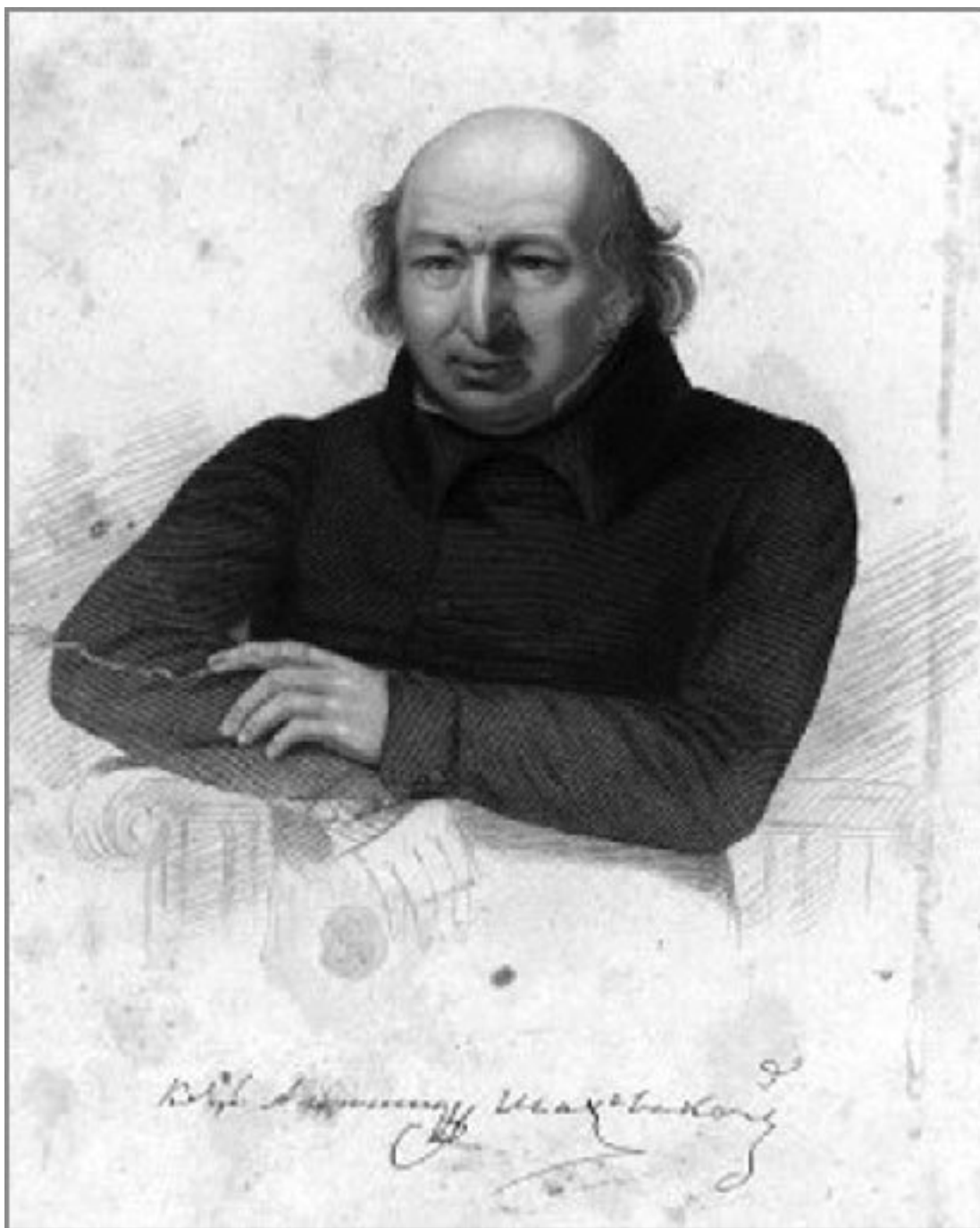
Архимандрит изображал из себя святого человека, носил вериги и везде выступал как единственный избранник Провидения. Изъяснялся Фотий очень туманно и витиевато, постоянно ссылаясь в своих речах на видения и божественные откровения, ниспосылаемые ему как спасителю церкви, царя и Отечества. Под влияние Фотия попадали очень многие. Не устоял перед Фотием даже Император Александр. Однако сменивший его Николай не был столь благосклонен к архимандриту. Новый Император любил прямоту и ясность, не выно-

сил кликушества и поисков «сынов беззакония» без собственного в том участия. Архимандрит был удалён от Двора, с запрещением ему выступать в качестве новоявленного пророка. Фотий должен был вернуться в монастырь и приступить к исполнению своих прямых должностных обязанностей. Вскоре за ним в монастырь последовал и князь Шихматов, постригшись в монахи под именем Аникиты.

В 1834–1836 годах князь совершил паломничество в Иерусалим, а по завершении своего путешествия был назначен архимандритом при русской посольской церкви в Афинах. Шихматов всего на несколько месяцев пережил Пушкина, оставив большинство своих сочинений неизданными. В девятнадцать известных номеров журнала «Чтения в Беседе любителей русского слова» вошла лишь незначительная часть из огромного наследия Сергея Ширинского-Шихматова. Большая его часть так и остаётся неизвестной для русского читателя.

Князь Александр Александрович Шаховской имел очень знатное происхождение, считалось, что он принадлежал к славной династии Рюриковичей – первых правителей Древнерусского государства. Согласно генеалогии, его фамилия происходила от прозвища переяславского князя Константина – «Шах», который был сыном Глеба, одного из отпрысков Владимира Мономаха. Правда, на этот счёт у историков до сих пор существует разное мнение. В. Н. Татищев, например, утверждал, что князь Глеб был наместником своего отца, Владимира Мономаха, в Смоленской земле, а Н. М. Карамзин, в пику Татищеву, считал, что никакого Глеба не существовало вовсе. Впрочем, вся эта благородная история если и имела значение для самого князя и его современников, то для нас она точно никакого значения не имеет. Существовали или нет его венценосные предки – мы не знаем, зато доподлинно убеждены, что князь Александр Шаховской точно существовал и родился он 5 мая 1777 года. И был он не только драматургом и театральным деятелем, но ещё и поэтом, членом литературного кружка «Беседа любителей русского слова».

Закончив московский Благородный пансион, князь приезжает в Петербург, дабы поступить на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, в который был записан сержантом ещё в десятилетнем возрасте. Денег на светскую жизнь у князя не было, зато благодаря своему поэтическому дару и, по всей видимости, хорошим манерам, он становится желанным гостем во всех аристократических гостиных, наполняя альбомы светских дам мадригалами и лирическими миниатюрами, которые очень быстро становились романсами.

А. А. Шаховской. Гравюра XIX века. Автор неизвестен

Служба не особенно мешала реализации артистических способностей Шаховского – он писал стихи и пьесы, играл в спектаклях и ставил театральные постановки. Однако знакомство его с директором театров, Александром Львовичем Нарышкиным, привело Шаховского к намерению всецело посвятить себя театральной деятельности. Он выходит в отставку в чине штабс-капитана и поступает на службу в дирекцию императорских театров, возглавив там работу репертуарного комитета.

В театрально-литературной среде многогранный талант Александра Александровича, не стесняемый более никакими внешними обстоятельствами, засиял своими бесчисленными гранями на весь Петербург. Мимо этого никак не могли пройти ни собраты по цеху, ни литературная общественность, особенно те, кого условно можно отнести к сторонникам Карамзина. Шаховского засыпали градом сатир и злых эпиграмм. И этот поток значительно

усилился после выхода в свет комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды», в которой в качестве героев он вывел вполне узнаваемых столичных лиц. Например, в поэте-балладнике Фиалкине явственно читался Василий Андреевич Жуковский, поданный в пьесе как нелепый карикатурный персонаж, что, однако, не помешало князю в дальнейшем наладить с Жуковским тесное творческое сотрудничество. Князь вообще был человеком крайне противоречивым. Будучи приверженцем шишковских идей возврата к архаике и «домостроевского благочиния» имел гражданский брак, что было в диковинку во времена Императора Александра. Показывая себя смелым новатором в жанре драматургии, ставил совершенно провальные спектакли, освищенные и осмеянные публикой. Пушкина крайне интересовали подобные личности. Через Павла Катенина Пушкин познакомился с Шаховским. Их встреча произошла в декабре 1818 года, и она сильно поразила Александра Сергеевича. Более всего Пушкина впечатлила внешность князя. Огромную, тучную фигуру Шаховского венчала непропорционально большая голова с клочками волос по краям обширнейшей лысины. При этом голос князя был очень тоненьким, писклявым, говорил он неразборчиво, заглатывая окончания и шепелявя. Если учесть, что говорил Шаховской очень быстро, понять его было почти невозможно.

У князя, помимо Пушкина, было множество других знакомств с поэтами и писателями, никоим образом не замеченных в симпатии к «Беседе любителей русского слова». Это и сыграло против Шаховского при восшествии на престол Императора Николая. Управление императорских театров было реорганизовано, и Александр Александрович был отстранён от должности вследствие обвинения его в дружеских связях с литераторами из декабристского лагеря.

Шаховскому пришлось уйти со службы, но не из профессии. Он продолжал ставить свои пьесы и писать повести и рассказы, по которым было заметно, что тесное знакомство с Пушкиным не прошло даром: в поздней прозе князя явственно угадывалось его литературное влияние.

Князь так и не узнал о посвящённой ему, Шишкову и Шихматову, пушкинской эпиграмме, хотя почти всю жизнь собирал эпиграммы и стихотворения на самого себя. А их было немало и немудрено, что какие-то из них не доходили непосредственно до адресата. Поэтому закончим наше повествование о Шаховском эпиграммой Вяземского на нашего героя, которая в коллекции князя всё же была.

Мадригал Гашпару [На А. А. Шаховского]

Сбылось моё пророчество пред светом:
Обмолвился Гашпар и за мои грехи.
Он доказал из трёх одним куплетом,
Что можно быть дурным поэтом
И написать хорошие стихи.

При составлении использованы издания:

А. С. Шишков. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова (в 17 частях). Санкт-Петербург. Типография Императорской Российской Академии. 1826 г.

С. Шихматов. «Иисус в Ветхом и Новом Заветах, или Ночи у креста». Стихотворения князя Сергея Шихматова. Санкт-Петербург. Типография Императорской Российской Академии. 1824 г.

А. А. Шаховской. Сочинения. Санкт-Петербург. Серия «Дешёвая библиотека». Издание А. С. Суворина. 1898 г.

Все публикуемые тексты приведены в соответствие с правилами современного русского языка.

А. Шишков

Стихи для начертания на гробнице Суворова

Остановись, прохожий!
Здесь человек лежит на смертных не похожий:
На крылосе в глуши с дьячком он басом пел
И славою, как Пётр иль Александр, гремел.
Ушатом на себя холодную лил воду
И пламень храбрости вливал в сердца народу.
Не в латах, на конях, как греческий герой,
Не со щитом златым, украшенным всех паче,
С нагайкою в руках и на козацкой кляче
В едино лето взял полдюжины он Трои.
Не в броню облечён, не на холму высоком –
Он брань кровавую спокойным мерил оком
В рубахе, в шишаке, пред войсками верхом,
Как молния сверкал и поражал как гром.
С полками там ходил, где чуть летают птицы.
Жил в хижинах простых, и покорял столицы.
Вставал по петухам, сражался на штыках;
Чужой народ его носил на головах.
Одною пищею с солдатами питался.
Цари к нему в родство, не он к ним причитался.
Был двух империй вождь; Европу удивлял;
Сажал царей на трон, и на соломе спал.

С. Шихматов

На Преображение Господне

Ты ныне на горе, Мессия и Господь!
Свою преобразил богоприимну плоть,
Дав перстному ея блеск солнечный составу;
Твоим ученикам Твою являя славу,
Не всю – но вместную для бранных их очей.
Единый из Твоих бесчисленных лучей
И нам да возблестит во тьме греха сидящим;
И вновь да сотворит добротами блестящим
Померкшее во зле душ наших естество.
Тебе, о светов Свет! честь, слава, торжество!

Словесным бытие прообразуя ново,
Твоё востание из мёртвых – Боже Слово!
Возшёл Ты на Фавор, над зыби облаков,
С избранной троицей Твоих учеников,
С Петром, с Иаковом, и с другом Иоанном;
И вдруг в величии представ богосиянном,
Дал им вкусить восторг верховного добра.
Вдруг светом облеклась Фаворская гора;
И немощны взирать на образ богомужный,
На отблеск Божества сокрытого наружный,
Лицем ученики поверглись во прах;
И горних слуг Твоих объял священный страх,
И с твердью потряслись высоки своды звездны,
И мира дольного вострепетали бездны,
И вся, во ужасе, восколебалась тварь,
Зря в теле на земли Тебя, о славы Царь!

А. Шаховской Сводные дети Басня

Вдова, соскучась быть вдовою
И видя, что у ней желтеет цвет лица,
Сединка кое-где блестит над головою,
Решилась выйти за вдовца,
И в мужнин дом ввела с собою
Полдюжины своих с покойником детей;
А так же, как у ней,
И от покойницы, не меньше многоплодной,
Остались у вдовца ребятки на руках.
Жена взялась смотреть за всей семьёю сводной,
Как о своих, пещись о мужниных детях;
И говорит: «Они, бедняжки-сиротинки,
Невинные птенцы;
О детях могут ли пещися так отцы,
Как матери? Ах! мы об них и порошок
Уж, верно, не дадим упасть.
И разве мужнино дитя жене чужое?
Когда в младенчестве постигла их напасть,
То бог велит об них пещися вдвое».
Что ж вышло? Через год
Заметил муж, что матушкины детки
Цветут, как розы на ветке,
И зреют, как румяный плод;
Его же, будто испытые,
Такия тощие, худые,
Что вчуже жалко поглядеть;
То каково ж отцу смотреть?
Он, покачавши головою,
Вздыхнул и вымолвил сквозь слёз:
«Так с новою моею женою
Я в дом к себе пиявиц перевёз!
И тем они толстеют,
Что кровь мою сосут», –
Сосед, случившись тут,
Шепнул отцу: «Где ж матери радеют
Так о детях чужих,
Как о своих?»»

Александр Скарлатович Стурдза

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.

Короткая и зловещая эпиграмма, посвящённая Стурдзе. Хлёсткая и беспощадная как брошенная в лицо перчатка. Она ходила по всему Петербургу, утяжелённая ещё одной фразой, уже совершенно непечатной. Зная Пушкина, не вызывает сомнения, что он искал дуэли со своим адресатом, с этим «солдатским холопом», но судьба в который раз «благословила» Стурдзу, и дуэли так и не случилось.

А. С. Стурдза. Портрет неизвестного художника XIX века

Несмотря на то, что имя Стурдзы вскоре будет известно каждому школьнику, и творческое наследие самого убеждённого сторонника внедрения религиозного образования в России будет возвращено из небытия, пока Александр Скарлатович Стурдза всё же остаётся незнакомым современному читателю. Поэтому включение его в этот сборник наряду с другими, заслуженно или незаслуженно забытыми авторами, ни у кого не должно вызывать серьёзных возражений. В отличие от Кюхельбекера, которого уж точно невозможно отнести к утраченным литературным именам, Стурдзе Пушкин посвятил всего несколько строчек от своей щедрой и крылатой Музы. В переписке Пушкина, правда, сохранилась такая фраза, написанная много позднее анти-стурдзовской эпиграммы: «...Я с ним не только приятель, но кой о чём и мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом». Конечно, можно предположить, что:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны.

А можно допустить, что сопричастность Стурдзы к греческим делам, его стремление быть полезным греческому народу в борьбе за освобождение, просто не могли остаться без внимания вольнолюбивого Пушкина, безусловно сочувствующего грекам. Только первый радел за притесняемых христиан, в то время как второй просто по-человечески сострадал угнетаемым людям, восставшим против своих поработителей.

Надо сказать, что и Пушкин, и Стурдза мало менялись с годами. Ничто не могло повлиять ни на их привычки, ни на их убеждения.

Стурдзу особенно отличало трудолюбие и пунктуальность. Вкупе с хорошим образованием и знанием языков, эти качества давали ему благоприятные возможности для успешной карьеры и востребованности в системе государственного управления. Поступив в министерство иностранных дел писцом, он уже через весьма короткое время стал личным секретарём канцлера Российской империи, графа Николая Петровича Румянцева. Перечислять все должности, на которых побывал Александр Скарлатович, не имеет особого смысла, таковых случилось немало, но объединяло их одно: они требовали от назначенца конкретного результата работы и строгой отчётности. Стурдзе не приходилось руководить другими людьми или исполнять представительские функции, почётно восседая во главе «присутствия», как это выпадало на долю нашего недавнего знакомого Александра Семёновича Шишкова, нет, Александру Скарлатовичу приходилось много и упорно трудиться, но такая невидимая кабинетная работа нисколько не смущала исполнительного чиновника. Тем более, что Стурдзе доверяли и доверяли в самых что ни на есть высших кругах государства, не исключая и самого Императора.

Как относился Стурдза к Императору, мы не знаем, скорее всего, с крайним благоговением. Зато хорошо известно, что Император благоволил к Стурдзе, доверив ему отстаивать интересы России в рамках созданного им Священного союза. Стурдза прибыл с Александром в город Аахен на первый конгресс этой организации в составе русской миссии, где, в сущности, решалась судьба послевоенной Европы. Вопросы противодействия революционным настроениям и борьбы со свободомыслием на конференции отдельно не рассматривались, однако во всех заявленных темах они, так или иначе, присутствовали. Оставалось только документально оформить разрозненные идеи общественного устройства в свете воззрений российского Императора. И такой документ благодаря Стурдзе появился. Составленная «Записка о нынешнем положении Германии» предназначалась, в общем-то, «для служебного пользования» – тираж её был микроскопический, всего пятьдесят экземпляров, и была она роздана исключительно делегатам проходящего в Аахене конгресса. Как любой текст, вышедший из-под пера Александра Скарлатовича, «Записка» содержала ясный и незамысловатый план победы света над силами тьмы. Где под тьмой, привычно, подразумевались гуманистические идеалы эпохи Просвещения, традиции светского образования и достижения науки, которые неизбежно должен одолеть свет, представляемый всепобеждающей триадой: христианским благочестием, цензурой и ограничением образования. Ну и само собой разумеется – при строгом соблюдении жёсткой сословной иерархии. Вероятно, кто-то

из участников конференции не выдержал и дал произведение Стурдзы в печать. «Записка» вызвала бурю негодования в немецком обществе, особенно в университетской среде. Ряд немецких политических деятелей, сторонников русского курса, были подвергнуты нападению, а драматург Август фон Коцебу был убит студентом Карлом Зандом, как предполагаемый автор злосчастной «Записки». Когда же стал известен истинный сочинитель, граф Бухгельн вызвал Стурдзу на поединок. «Сочинитель», разумеется, вызова не принял и поспешно отбыл в Россию, укрывшись в своём имении.

Когда Стурдза немного отошёл от потрясений, он вновь принялся за старое. На имя Императора был передан проект об учреждении в России Центрального духовного попечительства. В обязанность данного учреждения входил строгий надзор за соблюдением норм христианского поведения и забота об обращении в православие русских подданных иных вероисповеданий. Стурдзе также принадлежала инструкция для Учёного комитета Министерства народного просвещения, в которой он выступил против энциклопедического характера русского образования, настаивая на замене его религиозным. Германский урок Стурдзу ничему не научил, и он вновь ратовал за введение в государстве жесточайшей цензуры, за ограничение свободы печати, за строгий полицейский контроль над университетами и отмену всех академических привилегий.

Надо сказать, Петербург холодно принял Стурдзу, ставшего по выходе из добровольного заточения в собственном поместье очень популярной фигурой. Столица была чревата декабризмом, и везде Стурдза встречал язвительные взгляды и недобрые усмешки. Многие ходили вокруг него, желая придраться и вызвать на дуэль.

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического...

Так писал Пушкин в несохранившейся сатире на мотив известной народной песни.

Стараясь избежать трагической развязки, Стурдза в 1821 году выходит со службы в бессрочный отпуск и переезжает в Одессу, ссылаясь на плохое самочувствие и на необходимость в лечении. Но и там он не перестаёт быть воинствующим клерикалом, сражающимся с неверием и основами рационализма.

Обратимся теперь непосредственно к наследию Александра Скарлатовича и дадим небольшой отрывок из его произведения, по-свящённого товарищу Стурдзы «по музе, по судьбам» – Михаилу Магницкому.

Михаил Леонтьевич Магницкий какое-то время был Симбирским губернатором, однако запомнился он, прежде всего, в качестве попечителя Казанского университета. Пользуясь протекцией князя Александра Николаевича Голицына, Магницкий развернул кипучую деятельность при Министерстве народного просвещения, пропихивая свою учебную программу для высших учебных заведений, в которой науки подменялись упражнениями в благочестии.

Инициатива Магницкого – превращение высших русских учебных заведений в монастыри, была одобрительно встречена государственными инстанциями канцелярии Александра Первого, но пресеклась воцарением брата Александра – Николая. Новый Император, совершенно несклонный к религиозной экзальтации, направил свою комиссию в Казанский университет, выявив в хозяйстве Магницкого бесчисленное количество финансовых нарушений и растрату казённых денег. Магницкий с позором был уволен с поста попечителя, имение его, согласно Высочайшему распоряжению, было продано, а деньги от продажи пошли в казну в качестве возмещения нанесённого ущерба.

При составлении использован материал священника Н. В. Неводчикова в издании «Русского архива»:

Воспоминания о Михаиле Леонтьевиче Магницком. Статья А. С. Стурдзы. «Русский архив». Изд. 2-е. Москва. 1869 г.

Публикуемый текст был приведён в соответствие с правилами современного русского языка.

Отрывок

...В 1838 г. посетил Одессу в первый и последний раз граф М. М. Сперанский. Несмотря на старую дружбу, позднейшие превратности разъединили как-то между собою знаменитых тружеников. Магницкому сперва не хотелось домогаться свидания с первостепенным государственным сановником. Он колебался, потом внял голосу мудрости и приязни, который заставил его написать к Сперанскому следующее замечательное письмо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.